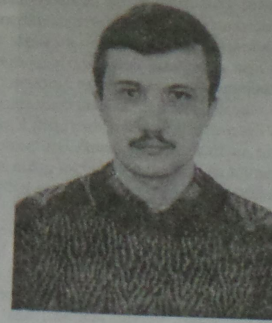

- ³⁴ Martin A. P. Australia and the Empire. Edinburgh, 1889. P. 64.
³⁵ Serle G. The Rush to be Rich. A History of the Colony of Victoria, 1883—1889. Melbourne, 1971. P. 202.
³⁶ Наша и английская эскадры в водах Тихого океана в эпоху Берлинского конгресса 1878 г. (по рассказам моряка-очевидца). // Кронштадтский вестник. 25.01.1887.
³⁷ Gwynn-Jones T. The Russians are Coming. // Geo. Australasia's Geographical Magazine, 1986, vol. 7, № 14. P. 80.
³⁸ Walker J. B. Prelude to Federation (1884—1898). Hobart, 1976. P. 20—21.
³⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (II Департамент, 1—5). Оп. 403. Д. 104. Л. 115—116.
⁴⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (II Департамент, 1—5). Оп. 403. Д. 104. Л. 115.
⁴¹ Walker J. B. Prelude to Federation (1884—1898). Hobart, 1976. P. 23.
⁴² Walker J. B. Prelude to Federation (1884—1898). L., 1942. P. 36.
⁴³ Fort G. S. Chance or Design? A Pioneer Looks Back. L., 1942. P. 36.
⁴⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (II Департамент, 1—5). Оп. 403. Д. 104. Л. 117—117 об.
⁴⁵ A Historical Sketch of the Diocese of North Queensland. Townsville, 1958. P. 19.
⁴⁶ Walker J. B. Prelude to Federation (1884—1898). Hobart, 1976. P. 23.
⁴⁷ Walker J. B. Prelude to Federation (1884—1898). Hobart, 1976. P. 23.
⁴⁸ Millar T. B. Australia in Peace and War: External Relations 1788—1977. Canberra, 1978. P. 58.
⁴⁹ Odgers G. The Royal Australian Navy: An Illustrated History. Brockvale, 1985. P. 19.
⁵⁰ См., например, Age. 10.04.1871.
⁵¹ Brassey T. Naval Preparations in the Colonies. // Brassey's Naval Annual 1886. L., 1897. P. 97.
⁵² Odgers G. The Royal Australian Navy: An Illustrated History. Brockvale, 1985. P. 27.
⁵³ Jones R. Tryon in Australia. The 1887 Naval Agreement. // Journal of the Australian War Memorial, 1987, № 10. P. 46.
⁵⁴ Конференция по вопросу об обороне английских колоний. // Морской сборник, 1887ю № 10, Морская хроника, С. 58—61.
⁵⁵ Hooper M. The Naval Defence Agreement of 1887. // The Australian Journal of Politics and History, 1968, vol. 14, № 1. P. 74.
⁵⁶ Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. K. Meaney. Melbourne, 1985. P. 19.
⁵⁷ Sydney Morning Herald. 04.08.1877.
⁵⁸ Парке Г. Пятьдесят лет общественной деятельности в Австралии. М., 1894.
⁵⁹ Colomb J. C. R. The Defence of Great Britain. L., 1880. P. 118—119.
⁶⁰ Meaney N. K. A History of the Australian Defence and Foreign Policy 1901—1923. Vol. 1. The Search for Security in the Pacific 1901—1914. Sydney, 1976. P. 28.
⁶¹ Brassey T. Naval and Military of Australia. // Brassey's Naval Annual 1897. L., 1897. P. 127.
⁶² Serle G. The Rush to be Rich. A History of the Colony of Victoria, 1883—1889. Melbourne, 1971. P. 202.
⁶³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 692. Л. 21 об.
⁶⁴ Select Documents in Australian History. Vol. 2. Sydney, 1955. P. 495.
⁶⁵ Thompson R. S. Australian Imperialism in the Pacific. The Expansionist Era. 1820—1920. Melbourne, 1980. P. 225.

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО
 НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ТРУД
 «ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
 ПРОТИВ АВСТРИИ В 1809-м году»

Александр Иванович Сапожников (Санкт-Петербург)
 кандидат исторических наук

До недавнего времени был научным сотрудником отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Сейчас руководит отделом фондов этого же книгохранилища.

Участие России в войне 1809 года и, в частности, поход русских войск в Галицию до сих пор еще не получили должного освещения в отечественной военной историографии. Однако среди рукописного наследия известного военного историка генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского (1789—1848) имеется законченное исследование, носящее название: «Описание войны императора Александра против Австрии в 1809-м году».

Александр Иванович Михайловский-Данилевский — автор фундаментальных трудов по истории войн, которые вела Россия в царствование императора Александра I¹. Свою военную карьеру он начал в 1812 году адъютантом князя М. И. Кутузова. Затем он служил в канцелярии начальника Главного штаба князя П. М. Волконского, несколько лет состоял в свите императора и был пожалован во флигель-адъютанта. Уже вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года он принялся составлять ее историю, однако она, написанная по-французски, так и осталась неопубликованной. В 1831 году двумя изданиями вышли его «Записки 1814 и 1815 годов», которые принесли ему известность. Император Николай I, начиная с 1834 года, стал последовательно поручать ему составление описаний войн предыдущего царствования. К концу жизни историк опубликовал описания почти всех войн Александра I, за исключением войны 1809 года и войны с Персией.

Нельзя не признать, что сочинения Михайловского-Данилевского часто подвергались критике как со стороны современников, так и последующими поколениями историков. Но не будем забывать о том, что каждый раз, когда историк получал разрешение на работу в государственных архивах, ему напоминали: «Его Величество, разрешая вам рассматривать означенные дела и сношения, изволил оставаться вполне уверенным, что вы, милостивый государь, и в отношении сих документов будете соблюдать ту же осторожность и скромность, которые вменены вам в обязанность при рассмотрении вообще всех материалов, сообщенных вам...»² Сумел бы кто-нибудь в таких условиях писать лучше, чем Михайловский-Данилевский? Особенно,

когда речь шла о скольких дипломатических сюжетах, как в случае с описанием войны 1809 года.

По Эрфуртскому договору (1808 г.) Россия обязалась поддержать Наполеона в случае войны с Австрией. В начале апреля 1809 г. Австрия открыла военные действия против Франции, и Александр I был вынужден двинуть войска к австрийским границам, чтобы избежать разрыва с Наполеоном. К этому времени Россия уже воевала с Турцией и Швецией, и поэтому в Галицию был отправлен всего один корпус под командованием генерала от инфантерии князя С. Ф. Голицына. Этот поход преследовал скорее дипломатические, нежели военные цели, и не был ознаменован крупными сражениями. После окончания военных действий по Венскому мирному договору Россия получила Тарнопольский округ в Восточной Галиции с населением 400 тысяч человек. Западная Галиция с населением 1,5 миллиона человек была присоединена к герцогству Варшавскому, и, таким образом, Польша оказалась восстановлена почти наполовину. Это усиление Польши в немалой степени обусловило разрыв между Россией и Францией, вызвавший в свою очередь войну 1812 года.

Некоторые современники называли участие России в войне 1809 г. «третворным», а иностранные писатели прямо упрекали Александра I в двуличии. Отровергнуть эти упреки иностранцев в адрес императора и попытался Михайловский-Данилевский в своем описании.

Свой труд Михайловский-Данилевский завершил в 1847 году, о чем свидетельствует его рапорт военному министру А. И. Чернышеву. В этом рапорте он писал: «Описанный мною ныне поход в Галицию русских войск известен гораздо менее других войн императора Александра. Русские и иностранцы судят об нем превратно, потому что им не были доступны наши архивы, где хранятся тогдашние сношения императора Александра с Венским двором и с Наполеоном, его военные распоряжения и переписка. От незнания мыслей, руководивших нашего монарха во время союза его с Наполеоном против австрийцев, укоренились превратные понятия о походе русских против сих, дотоле небывалых для нас неприятелей. Прошло почти со-

рок лет от события, и доселе встречаем разноречивые показания о количестве русских войск, употребленных в Галиции, о цели и образе их действий, и влияния на общность войны — заключение Цнаймского перемирия и Венского мира. То же невведение дела породило несправедливые упреки на императора Александра за его неискренность в соблюдении союза с Францией, за мнимое доброжелательство австрийцам.

Подносимое мною вашему сиятельству описание, заимствованное из подлинных документов и всюду ими подтверждаемое, впервые представляет происшествия в истинном виде. Дополняя собою военную историю императора Александра, оно также служит необходимым введением к 1812-му году, потому что поход в Галицию и Венский мир, его прекративший, были первым поводом к охлаждению связей императора Александра с Наполеоном, первым звеном возникших между ими споров, разразившихся Отечественной войною³.

Весь труд состоит из десяти глав, названия которых позволяют судить об их содержании:

1. События от Тильзитского мира до Эрфуртского конгресса.
2. Свидание императора Александра с Наполеоном в Эрфурте.
3. Война Австрии с Наполеоном.
4. Действия императора Александра.
5. Вступление русских войск в Галицию.
6. Военные действия в Галиции.
7. Дела Краковские.
8. Перемирие.
9. Переписка императора Александра с главнокомандующим князем Голицыным.
10. Заключение.

Таким образом, непосредственное описание военных действий предваряет подробный обзор предшествующих дипломатических событий (этим отличаются все труды историка). Отдельную главу представляет собой переписка

императора Александра I с главнокомандующим князем С. Ф. Голицыным, которая и поныне полностью не опубликована. За этот труд Михайловский-Данилевский получил почетную для того времени награду: дочь историка — Антонина — была пожалована во фрейлины.

Все предыдущие труды историка поступали в печать с разрешения императора вскоре после их завершения, но с "Описанием войны 1809 года" этого не произошло. Вероятно, такая задержка была вызвана внешнеполитической ситуацией того времени. Дело в том, что в начале 1846 г. в Галиции вспыхнули серьезные беспорядки, организаторы которых, ратовавшие за восстановление Польши, укрывались в польском городе Кракове. По Венскому соглашению (1846 г.) между Россией, Пруссией и Австрией Краков был включен в состав австрийских владений. Это решение было принято несмотря на протесты Франции и Англии. Сложившаяся ситуация делала несвоевременным публикацию исследования Михайловского-Данилевского.

9 сентября 1848 года историк стал одной из жертв эпидемии холеры, охватившей Петербург. Рукопись "Описания войны императора Александра против Австрии в 1809-м году" поступила в архив военного ведомства (Военно-техническое депо), откуда неизвестным образом переключена в личный архив историка Н. К. Шильдера — исследователя и публикатора творческого наследия А. И. Михайловского-Данилевского. В 1903 году в составе архива Шильдера она поступила в отдел рукописей Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека)⁴. Здесь же хранится еще одна (черновая) редакция этого сочинения⁵.

Несмотря на то, что творческое наследие этого историка можно оценивать по-разному, оно, вне всякого сомнения, занимает достойное место в отечественной военной историографии. К сожалению, один из его фундаментальных трудов до сих пор остается неопубликованным. Ниже мы публикуем три главы из этого сочинения, посвященные непосредственно походу русских войск в Галицию.

ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПРОТИВ АВСТРИИ
В 1809-м году

А. И. Михайловский-Данилевский. 1847 г.
Акварель, гуашь, кость. Художник А. Лисенко

Глава 5-я. Вступление русских войск в Галицию

Получив Высочайшее повеление от 12 мая о немедленном выступлении за границу, князь Голицын¹ тотчас распорядился походом в Галицию. И что были сии область и соседнее с нею Варшавское герцогство? Необходимо вкратце изобразить тогдашнее положение их для уразумения дальнейших происшествий, когда русские войска явились в пределах Австрийской монархии. При общем наступательном движении австрийцев в исходе марта, эрцгерцог Фердинанд², известный своим действием под Ульмом в 1805 году, получил приказание с 35, 500-м корпусом, собранным у Сандомира, войти в Варшавское герцогство, разбить бывшие там под начальством князя Понятовского³ саксонские и варшавские войска в числе 18,000 человек, овладеть Варшавою и своими победами над неприятелем склонить прусского короля, находившегося в Кенигсберге, к союзу с Австрией, о чем Венский двор вел тайные переговоры с Пруссией. Варшавское герцогство, должествовавшее таким образом сделаться особым театром войны 1809 года, получило существование по Тильзитскому мирному договору. Оно было составлено из земель, присоединенных от Польши к Пруссии, заключало в себе три миллиона жителей, имело представительное правительство, и хотя принадлежало королю саксонскому⁴, но находилось под непосредственным влиянием Наполеона⁵, распоряжавшего войсками герцогства, как

собственными своими. Он дал им вместо знамен польские орлы, приказал употреблять польский язык в присутственных местах, в государственных бумагах и частных сделках и образовал все управление из природных полков — обстоетельства, породившие в Европе, особенно в жителях прежней Польши, мысль, что Варшавское герцогство было первым приступом Наполеона к восстановлению Польши. Самое назначение саксонского короля герцогом Варшавским напоминало полякам прежних королей их из сего дома и обаятельную для них Конституцию 3-го мая 1791 г., определявшую тому же Саксонскому дому наследовать Польскому престолу после смерти короля Станислава Понятовского⁶. Что касалась Галиции, она разделялась тогда на две части, на Старую или Восточную, доставшуюся Австрии после первого раздела Польши в 1772-м году и на Новую, или Западную, отшедшую к Австрии при уничтожении Польши в 1794 году. Люблин был главным городом Западной Галиции, а Лемберг — Восточной.

Апреля 2-го австрийцы перешли при Новомясто через реку Писну и вступили в Варшавское герцогство, объявляя о начале военных действий. Князь Понятовский, не ожидавший столь скорого открытия, наскоро собрал войска близ Варшавы, у Рачина. Сюда, не встречая сопротивления на пути, подошли австрийцы 7-го апреля, атаковали князя Понятовского и принудили его отступить, после чего князь Понятовский сдал им на кавальерию Варшаву, не имея сил задержать ее, тем более, что должен был отправить в Дрезден находившихся у него 4,000 саксонских войск. Он переправился на правый берег Вислы и расположился в Праге, Сарошке и Модлине. Правительство герцогства уехало в Тыкочин, на русскую границу. Австрийцы вошли в Варшаву среди гробового безмолвия жителей. Висла разделена враждовавшими войсками.

Эрцгерцог Фердинанд намеревался переправиться за Вислу и послал передовой отряд из 6000 человек на правую ее сторону, приказывая вытеснить варшавцев из Праги, откуда князь Понятовский беспрерывно имел тайные сношения с Варшавою, поддерживал дух жителей, сообщал им известия о победах Наполеона и уверял в скором избавлении от неприятеля.

князь Понятовский

¹ Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1—2. СПб., 1836; Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1—4. СПб., 1839; Описание войны 1813 года. Ч. 1—2. СПб., 1840; Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841; Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года. Ч. 1—2. СПб., 1843; Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. СПб., 1844; Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846.

² Письмо князя А. И. Чернышева к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 8 апреля 1836 г. (копия) // ОР РНБ. Ф. 859. К. 3. №1. Л.

³ Рапорт А. И. Михайловского-Данилевского князю А. И. Чернышеву от 10 сентября 1847 г. // ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. №3. Л. 5.

⁴ ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. №3. Вероятно, Н. К. Шильдер готовил ее к публикации: предисловие и первые три главы переписаны его рукой, а в оставшейся рукописи имеются многочисленные вставки и маргиналии, сделанные им же.

⁵ ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. №2.

Австрийцы были с большою потерей отброшены обратно за Вислу. Также безуспешно кончилось покушение их устроить переправу близ Гуры. Видя трудность перевести корпус на правый берег Вислы, эрцгерцог послал отряды к Ченстохову, Познаню и Калишу разгонять составляемое там Домбровским ополчение, а сам, удерживая за собою Варшаву, пошел к Торну в 40 верстах от тогдашней прусской границы. Сии движения надеялся он дать более весом переговорам Венского двора с Пруссией. Но не в таких обстоятельствах, в каких была Австрия после побед Наполеона и угрожаемая Императором Александром¹, державы находят союзников русвосточных!

Время протекало в бесплодных действиях эрцгерцога, когда Наполеон, после покорения Вены, приказал князю Понятовскому покинуть Варшавское герцогство провинцию австрийцев, идти в Галицию, взволновать ее против Австрии, усилить бунтовщиками свой корпус и овладеть Замостьем и укреплением в Сандомире, единственно твердыми местами австрийцев в Галиции. Исполняя повеление, князь Понятовский, в начале мая, оставив отряд Зайончека на правом берегу Вислы для наблюдения пространства от Плоцка до Варшавы, и выступил к Люблину. Его марш уподоблялся торжественному шествию. Рожденные в век беззаконий, знаменовавших падение Польской республики, галичане встречали его востихом воскресения Польши, в надежде доискиваться лучшего или своеобразничать в безначалии. Вскоре передовые отряды князя Понятовского овладели Замостьем и Сандомирским укреплением, а начальник авангарда его, Рожнецкий², занял Лемберг. Учредив свое управление в Люблине, князь Понятовский двинулся к Лембергу, везде уничтожив австрийские власти, вербовал войска. К нему начали присоединяться искатели приключений и шляхтичи из губерний Волынской и Подольской, тайно переходившие русскую границу. Странное явление зрелище: варшавцы распоряжались в Галиции, а австрийцы в Варшавском герцогстве.

Тревожное состояние Галиции и слухи о скором вступлении туда русских побудили эрцгерцога Фердинанда оставить Варшавские владения. Он собрал свои разобщенные войска и 18-го мая двинулся из Варшавы к Сандомиру, преследуемый Домбровским³, который между тем успел сформировать до 8000 вооруженных. Зайончек⁴, усиленный народным ополчением, занял Варшаву и равномерно пошел за австрийцами. Узнав о сих происшествиях, князь Понятовский остановил движение свое к Лембергу и сосредоточил силы у Трежесна, на правом берегу Вислы близ Сандомира, находившегося в его власти и приказал Рожнецкому оставить для возмущения Старой Галиции небольшие конные отряды, а самому идти из Лемберга на соединение к корпусом.

В таком положении были дела в Галиции, когда мая 22-го русские войска переправились на левый берег Буга. 10-я дивизия Левиза⁵ и Дрогичина, 18-я бригада Ламберта⁶, бывшая князя Горчакова⁷, у Бреста, и 9-я князя Суворова⁸ в Устилуге; всего 34 батальона пехоты, 44 эскадрона и 102 орудия. Конный резерв тронулся из Острога к Устилугу, Дохтуров⁹ с 7-й дивизией оставлен в Белостоке, для охранения границы. Каждому дивизионному начальнику, выступившему в поход, были посланы по 400 печатных листов, где, согласно воле Императора Александра, объявляли, что русские, входя в Галицию по силе союзного договора с Наполеоном, не имеют

враждебных намерений против жителей и будут уважать собственность и безопасность лиц. Тогда же князь Голицын писал дивизионным начальникам: "Безмолвное повиновение начальству, строгая дисциплина и наблюдение совершенного порядка — суть ося, в которых обращается вся машина военной службы. Я уверен, что если все сие во всех частях сохраняется будет в полной силе, то и совершенный порядок во всем соблюдется. Если все, власть имеющие над нижними чинами, выполнять будут в точности свои обязанности, то не может произойти никакого беспорядка, войска не будут отягощением земле, не угнетая жителей оной; сохраняемый порядок в марше пресечет способы нижним чинам расхваться и отставать, отчего не будет отсталых и так называемых мародеров, скитающихся поодиночке, воровством и даже грабительством питающихся, что самое влечет за собою губительные последствия для армии. Прискорбно будет употребить для сего строгие меры, но зло должно искоренять в самом начале его, а потому торжественно обещаю для примера не падать нарушителя вышесказанного постановления, кто бы он ни был, употребя к наказанию его всю неограниченную власть, Его Императорским Величеством мне на таковой случай даную. Но к совершенному моему утешению служит мне известная опытность, прозорливость и дух порядка гг. дивизионных командиров, которые совою с гг. бригадными командирами, шефами полков и прочим команд, имея в предмете славу вверенных им войск, без сомнения, не допустят никого из подчиненных своих власть в подобное преступление".

На левом берегу Буга русские войска были встречены и приветствованы местными чиновниками от имени жителей, как друзья, офицеров угостили они завтраком, а солдат вином и мясною пищеею. Узнав о переходе своих войск за границу, Император Александр послал генерал-адъютанта кн. Гагарина¹⁰ известить о том Наполеона и заключил свое письмо так: "Австрийцы рассеивают слухи о каких-то приобретенных ими успехах, не почитаю их справедливыми, привыкнув полагаться на высокий гений Вашего Величества. Я прошу вас верить, что каковы ни были бы случайности войны, во всякое время найдете вы во мне союзника и верного друга. Чувствования сии неизменно посвящены вам навсегда".

Князь Голицын приказал армии идти к Гарволину, в 52-х верстах от Праги, по расчету, что князь Понятовский вероятно пойдет из Сандомира на путь сообщений эрцгерцога Фердинанда, а потому хотел иметь войска в совокупности, чтобы действовать против эрцгерцога, если он переправится из Варшавы и ее окрестностей на правый берег Вислы и сою стороною вознамерится отступить в Галицию. Предположенный марш к Гарволину однако ж не состоялся. Накануне переправы князя Голицына через Буг, явился к нему французский генерал Пеллетье¹¹, в 1812 году полоненный под Вязмою. Нося звание главного инспектора инженеров и артиллерии Варшавских войск, он был при них, так сказать, оком Наполеона и имел решительное влияние на действия их. Он привез князю Голицыну письмо князя Понятовского, заключавшее в себе объяснение положения дел на театре войны и просьбу условиться с Пеллетье о совокупном действии русских войск с варшавскими против австрийцев, намечавшихся атаковать Сандомир¹².

Вследствие сего письма и совещаний с Пеллетье, кн. Голицын переменял первоначальное направление,

данное колоннам, и приказал: 1., дивизии князя Суворова, уже выступившей от Устилуга к Люблину, потому, что она еще не успела получить повеление об отмене марша на Гарволин, идти на усиления князя Понятовского, 2., дивизии Левиза стать у Пулавы, стараясь обозначать австрийцев, находившихся на левом берегу Вислы, и быть готовою подрезать князя Суворова и 3., дивизии графа Ламберта составлять резерв, располагаясь в Люблине, где назначалась Главная квартира русской армии¹³.

Известия князя Понятовского о сих распоряжениях, Голицын присовокупил: "Полагаю на вашу уверенность в том, что я не упущу никакого случая для доказательства моей готовности действовать сообразно воле Монарха моего в отношении к Его союзникам¹⁴".

При отправлении князя Суворова к новому его назначению главнокомандующий писал ему: "Без сомнения вы получите письма от князя Понятовского, коими он будет прилагать вас к скорейшему соединению с ним, то ускорите марш, без большого одажко изнурения войск¹⁵". Вскоре потом, узнав от князя Понятовского о нападении австрийцев на Сандомир, главнокомандующий повторил князю Суворову "о большой успешности движения, приказывал сократить два последние, небольшие перехода в один и разрешил его, по соединении с варшавцами, если нужно будет, идти на левый берег Вислы¹⁶".

Давая сие приказание, князь Голицын имел, однако ж, в виду объявленное ему Высочайшее повеление "уклоняться от содействия варшавцам всеми силами, но помогать им частным и побочным образом и действовать соединенно с ними только в случае, когда из того можно будет извлечь важные выгоды для российского оружия¹⁷". Как исполнение повеления представлялось усмотрению главнокомандующего, то он, соображая обстоятельства, предислал князю Суворову ограничиться действиями оборонительными и не принимать участия в наступательных движениях князя Понятовского. Он

говорил: "Если варшавцы будут атаковать, то мы помогать не станем, а если атакуют их, то поможем"¹⁸.

Во время сих движений, провинциальными русскими от 22-го до 28 мая, эрцгерцог Фердинанд 25-го безуспешно атаковал Сандомир. Трудность овладеть городом, пока князь Понятовский, стоя при Трежесне, был в возможности поддерживать гарнизон посредством моста на Висле, побудила эрцгерцога переправиться на правый берег с тем, чтобы отогнать князя Понятовского из его позиции и от моста на Висле и потом покорить Сандомир. Он оставил сильный отряд против сего города и мая 27-го начал переправляться при Поланце. Совершив переправу, он послал отряд генерала Эгермана¹⁹ к Лембергу для укрощения мятежа и восстановления там законной власти и двинулся против позиции варшавцев. Князь Понятовский не хотел зашипать переправы через Вислу и вступать в бой с австрийцами прежде соединения своего с русскими, о близости коих он был извещен генералом Пеллетье, возвратившимся к нему из нашей Главной квартиры. Он рассчитывал, что русские, прикнув к варшавцам, вместе с ними начнут наступательные действия и был уверен в несомненной победе над австрийцами²⁰. Основываясь на сих соображениях, князь Понятовский, после незначительного артиллерийского дела, отступил от Трежесна на правый берег Сана, к Пниову, и развел мост, служивший соединением Сандомира с правым берегом Вислы, на котором не было им сделано мостового укрепления. Таким образом предавал он Сандомир — несколько времени цель действий его — одной защите гарнизона, лишенного сообщений к корпусом варшавских войск.

При отступлении за Сан князь Понятовский послал своего адъютанта, князя Сапегу²¹, убедительно просить князя Суворова и авангардного начальника его, графа Сивера²² (ныне сенатор), о успешном соединении с ним. Он заключил письмо к князю Суворову словами: "Кто носит имя ваше, тому, кроме славы, не надобно других побуждений на решение. Открыть ваши действия блестящим успехом против неприятеля, вы заплатите долг памяти знаменитого родителя Вашего". Князь Суворов приказал сократить число дней роздыха²³ и писал Понятовскому: "Будьте убеждены в моей искренней готовности иметь удовольствие сражаться вместе с Вами и доказать Вам, что честь прямого Русского состоит в исполнении священной воли Монарха. Солдаты мои уверены в себе и желают одного — отличиться²⁴".

Что касается графа Сивера, получив приглашение князя Понятовского, он донес о том своему дивизионному начальнику и, не ожидая приказаний его, отвечал Понятовскому, что ставит себе за честь служить под его начальством и быть первым из русских генералов, который идет на помощь войску, принадлежащему армии, союзной Императору Александру²⁵. Граф Сивер распорядился быстрым следованием авангарда, опередил его на последнем переходе и поехал к князю Понятовскому, который принял его радостно и показывал ему свой лагерь. Изумленно смотрели люди на русского генерала.

Через несколько часов, мая 30-го, начал приходить авангард наш и расположился недалеко от левого крыла варшавских войск. В авангарде были два батальона егерей, 4 эскадрона гусар, рота пионер, 400 казаков и 10 конных орудий. Вслед затем граф Сивер получил запрещение князя Суворова явиться под начальство князя Понятовского и приказание действовать зводно с

варшавцами, но только в случае, когда австрийцы будут атаковать их, не переходить через реку Сан, не строить на ней мостов и не помогать варшавцам к постройке их, ибо говорил кн. Суворов: "мосты строить, значит наступать"³¹. Князь Понятовский просил графа Сиверса о назначении к нему сотни казаков, желая употребить их в разъезды вместе с своими уланами. Ему послали 10 донцов. Граф Сиверс поставил передовую пель по Сану и отправил разъезды на другой берег узнавать о неприятеле. Они не замедлили донести о покаянии австрийцев верстах в 30-ти от нашего левого крыла в окрестностях Уланова. Граф Сиверс пошел туда с отрядом чрез Радомишль, для сведения дав знать князю Понятовскому о своем движении.

Чрез два дня, июня 1-го, 9-я дивизия пришла в Закликов и остановилась здесь, в 15 верстах позади лагеря князя Понятовского. Князь Суворов немедленно вошел в сношения с ним. На усиление князя Суворова главнокомандующий послал из Люблина отряд генерал-майора Хрупова³² в Янов, в 20-ти верстах от Закликова³³. Тогда же, по просьбе князя Понятовского, приказал он Левизу, бывшему с 10-й дивизией в Пулаве, переправить на левый берег Вислы, в подкрепление Зайончеку, весь авангард свой или, по крайней мере, одну конницу с тем, чтобы начальник, кому будет поручен отряд, только сносился с варшавскими генералами, но не принимал от них повелений и действовал по общесоставленному с ними плану³⁴. Переправа отряда на левый берег Вислы не состоялась, потому что вскоре дивизия Левиза получила другое назначение. Австрийцы, занимавшие левый берег Сана, откуда хотели они атаковать варшавцев, обойдя левое крыло их, были, как громом, поражены вестью о появлении русских на театре войны. Эрцгерцог Фердинанд собрал военный совет, где определили: отказаться от предположенного наступательного действия и просить бывшего Русского поверенного в делах в Вене Анстета³⁵, который, возвращаясь из Вены, остановился на несколько времени в Кракове, о испроше австрийскому генералу графу Вурмзеру³⁶ для свободного проезда к князю Голицыну. Граф Вурмзер сказал Ансету, что имел повеление уверить нашего главнокомандующего о давнем австрийцам запрещении стрелять по русским и о решении Венского двора не признавать императора Александра неприятелем, представляя русской армии свободу распространяться в австрийских владениях, где она не будет встречать противодействия. Он присовокупил, что ему поручено снабжать русские войска продовольствием и изъявлял сожаление эрцгерцога, что он лишен возможности атаковать варшавцев после присоединения к ним русских, без чего он наперво надеялся разбить князя Понятовского. Ансет отвечал, что сложив с себя звание поверенного в делах, он просто путешественник и не имеет права давать паспорта.³⁷

Узнав о сем отзыве, эрцгерцог Фердинанд писал князю Голицыну: "Полонные вчера в авангардном деле полки единогласно подтверждают, что несколько российских войск соединились с кн. Понятовским на берегах Сана и составляли авангард армии, идущей за нами. Мне известно, что Вы начальствуете армией в Литве, а потому думаю, что войска, вступившие в Галицию, состоят под предводительством вашим. Я желал сообщить вам много важного и отправил к вам офицера, но польские передовые войска не пропустили его, почему пропущу Вас уведомить меня, каким образом мог бы мой посланный явиться к Вам". Главнокомандующий не отвечал на письмо, но

спрашивал князя Понятовского зачем не позволил он приехать в нашу Главную квартиру посланному от эрцгерцога. Князь Понятовский писал, что австрийский офицер, явившийся в его передовой цепи, не объявил, что он отравлен к князю Голицыну, но только просил свидание с кем-либо из русских офицеров для переговоров, в чем ему было отказано, потому что там русских не находилось. Князь Голицын не настаивал у князя Понятовского о пропуске к нам австрийского переговорщика, если бы таковой опять явился в его авангард: потому что во-первых, он не желал умножать подозрений, которые начали возникать у Понятовского и у Поллетье насчет добродетельства к ним русских, а во-вторых, догадываясь, что важное сообщение, о коем писал эрцгерцог, будет состоять в уведомлении, что Его Высочество имеет повеление не противиться русской армии, давая ей свободу следовать, куда хочет. "Подобное уведомление, — доносил князь Голицын, — поставило бы меня в затруднительное положение, и действовало бы, может быть, на верное мое войско"³⁸.

Так прошел май месяц, в течение коего, 10-го числа, случилось на главном театре войны, близ Вены, происшествие необыкновенное — поражение Наполеона под Асперном, где он был с огромною потерей людей отброшен с левого берега Дуная на правый. После Аспернской битвы, Наполеон и эрцгерцог Карл³⁹ стояли друг против друга шесть недель, не предпринимая никаких военных действий, но готовясь возобновить их с умноженными и освеженными числами.

В заключение остается сказать о печали Императора Франца⁴⁰ при вступлении русских войск в Галицию. "Не могу приучить себя к мысли, — писал он тогда Императору Александру, — видеть в Вашем Величестве неприятеля моего государства и моего дома. Я нарушил бы свои обязанности как Монарх и не последовал бы первому побуждению моего сердца, если бы не спешил всячески положить конец делу, столь же противному нашим прежним отношениям, сколько пагубному России и Австрии. Неужели нет никакого средства, совместного с существованием и независимостью Австрии, которое могло бы прекратить войну, оправдываемую перед моею совестью моим самосохранением? Убедительнейше прошу Ваше Величество указать мне в Вашем ответе возможность удостоверить Вас, сколь дорого я ценю немедленное восстановление между нами доброго согласия, необходимого для наших государств, и смею сказать, для нашей общей безопасности. Если война должна продолжаться, мы оба, вы и я, падем ее жертвою". На сие письмо ответа не последовало.

ГЛАВА 6-я. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГАЛИЦИИ В 1809 ГОДУ

В предыдущей главе описано событие, дотоле неслыханное — соединение войск, никогда не ратовавших заодно, сочетание знамен одноглавого белого орла с хоругвями, озаренными черным двуглавым орлом и Святым Георгием Победоносцем. Но союзники не имели над собою одного общего начальства и между ними не являлось чувствований дружества, составляющих крепость союзов. Видна была холодность в обхождении офицеров обоюдных корпусов, вскоре обратившаяся в озлобление. Самое вступление русской армии в Галицию хотя необходимое для подкрепления варшавских войск,

произвело однако ж неприятное впечатление на них. Они уже почитали сию область своим приобретением, своею собственностью, воспламеня речами и печатными воззваниями надежду в жителях на восстановление Польши. Появление русских в Галиции поколебало мечты их, посепо в варшавцах убеждение, что русские не станут помогать исполнению их желаний. Стоя во главе поборников воскресения своего отечества, князь Понятовский, с перехода русских чрез Буг, начал утверждать, что наши движения слишком медленны и марши для соединения с ним назначаются дорогами дальними, когда было можно избирать пути кратчайшие. "Князь Суворов, — говорил он, — вместо того, чтобы идти на соединение со мною прямо из Устилуга, был послан ко мне через Люблин". Описывая движения русских войск, мы видели, что князь Голицын и подчиненные ему генералы, по первому приглашению князя Понятовского ускорили марши и сокращали дни раздыхов. Также объяснено нами, что движение князя Суворова из Устилуга на Люблин произошло от того, что выступил к сему городу из границ России, он еще не получал приказаний об отмене марша к Гарволицу и о соединении с варшавским корпусом.

"Всеми мерами, — доносил он маршалу Бертье⁴¹ для доклада Наполеону, — стараются замедлить содействие мне русских войск, то уменьшая марши, то давая колоннам направление совершенно противное тому, коим надлежало им следовать". Причиной такого несправедливого доноса и других изветов, сделанных князем Понятовским против русских во время похода 1809 года, чему далее увидим много примеров, было стремление его и соумышленников его вселить в Наполеоне подозрение к Императору Александру, разъединить, поссорить обоих мощных союзников и произвести между ними разрыв — единственное, по мнению полков, средство восстановить Польшу. Только от войны Наполеона с Александром и от побед завоеватели над русским оружием ждали они возрождения своей отчины, не предвидя к тому иного способа, доколе существовал союз между Россией и Францией. Таково было воззрение нашего Двора на дела, воззрение, совершенно оправданное поступками князя Понятовского. Он жертвовал истинною для достижения своей цели: удача была ему важнее правды.

Юния 3-го, князь Понятовский поехал в Люблин, узнав о прибытии туда князя Голицына, и в разговоре с ним ясно давал чувствовать, будто русские не желают прямо содействовать варшавцам. Стараясь искоренить сомнение и не допустить австрийцев слишком усилиться на правом берегу Вислы, где их полагали уже до 30.000, князь Голицын вознамерился сосредоточить армию около Уланова и Разводова, близ коих были главные силы австрийцев. Он приказал: Левизу идти с 10-й дивизией из Пулавы к Закликову, на соединение с князем Суворовым⁴², кавалерийскому резерву Миллера-Закосельского⁴³ и Корфа⁴⁴ следовать туда же от Устилуга⁴⁵. Равномерно сам князь Голицын выступил с 18-й дивизией из Люблина к Закликову. Соединенными таким образом войсками хотел он атаковать австрийцев, чтобы освободить Сандомир, отрезанный от армии князя Понятовского, очистить от австрийцев Галицию и иметь более прав на ее занятие⁴⁶. Резервы Игнатьева⁴⁷ и Ермолова⁴⁸ подвинуты из Слонова и Ровно к Бресту и Устилугу, где им приказано содержать стражайшую цепь и предотвращать побег из России в Галицию. 25-я дивизия Ртищева⁴⁹, шедшая от Казани и

Нижнего Новгорода, направлена в Острог с повелением оставаться здесь, покуда для усиления корпусов Сибирской и Иркутской гусарские полки.

В день свидания князя Голицына с князем Понятовским, июня 3-го, раздался первый выстрел между русскими и австрийцами. Встреча произошла так: эрцгерцог приказал генералу Шауротеру⁵⁰ переправиться на правый берег Сана, занять город Уланов и сделать оттуда наступательное движение двумя колоннами: первой идти влево, а второй, полковника Пикорда⁵¹, к Янову. На другой день, в 4 часа по полудни, началось движение. Первая колонна, выйдя из Уланова, увидела казацкую цепь полка Слосарева 2-го⁵². Наши отступили верст шесть до места, где был расположен казачий полк. Слосарев подкрепил цепь. Завязалась перестрелка. Неприятель получил усиление и начал обходить фланги наши. Слосарев отступил, дабы соединиться с гусарами, посланными графом Сиверсом на помощь ему. Австрийская конница атаковала донцов в убеждении, что перед нею варшавцы, одетые казаками. Вскоре удостоверился неприятель от полоненных им казаков, что имеет дело с русскими, прекратил действие и остановился.

Немедленно потом приехал в казацкую цепь гусарского Императора Франца полка майор граф Гаувиц⁵³ и просил свидания с начальником авангарда нашего. Приведенный к графу Сиверсу, он сказал, что отравлен от генерала Шауротера изъявлять сожаление о том, что, полагая действовать против варшавцев, австрийцы неожиданно для них встретили русских и что ни под какою видом не намерены поступать против нас несправедливо. В заключение просил он остановиться на два дня войска на занимаемых ими местах, дабы иметь время донести эрцгерцогу Фердинанду о происшедшем. Граф Сиверс отвечал, что действительно русские соединены с варшавцами и имеют повеление отражать силу сиюю, что он не согласен два дня стоять на месте, но теперь же подвинет свою передовую цепь туда, где она стояла прежде атаки на нее австрийцев, почему требовал, чтобы они отступили. Генерал Шауротер исполнил требование и донцы расположились на утренней своей позиции. Урон наш состоял из одного убитого и трех раненых казаков, взятых в плен, которые в тот же вечер были нам возвращены⁵⁴.

При первом известии о наступательном движении австрийцев из Уланова князь Суворов пошел с 9-й дивизией из Закликова в Домбров, на соединение с своим

авангардом. Не зная настоящей цели движения австрийцев и еще не получив донесения о их решении не сражаться против русских, он приказал графу Сиверсу, при невозможности выдерживать дальнейший натиск неприятеля, отступить. Для сохранения сообщений с князем Понитовским, князь Суворов оставил в Радомысле полковника Удома⁵⁵ с Галицким мушкетерским полком, 4-мя эскадронами и 4-ми пушками. Приготовления, оправдываемые военной осторожностью, были бесполезны. Шауротер неподвижно стоял в Уланове, куда также велел возвратиться колонне полковника Пикорда, посланной к Янову, когда узнал, что Янов занят русскими отрядом генерал-майора Хруцова.

В день схватки с казаками, австрийцы, бывшие на левом берегу Вислы, требовали сдачи Сандомира и, получив отказ, в следующее утро июня 4-го атаковали его. Отразив нападение, комендант города Сокольничий⁵⁶ не решился долее обороняться, нуждаясь в снарядах и видах, что неутюга получить ему помощь, он сдвинулся на каштуляцко, с правом свободного отступления гарнизону. Князь Понитовский не преминул обвинить русских за покорение австрийцами Сандомира. "Я уже доносил вам, — писал он маршалу Бертье, — что бездействие русских войск внушает мне опасения за Сандомир. Опыт оправдал мое предостережение. Две русские дивизии, бывшие в то время на берегах Сана, в недалеком расстоянии от Сандомира, невзирая на убедительные мои настояния, не сделали никакого движения для подания помощи городу". Обвинения князя Понитовского уничтожаются происшествиями. При нападении на Сандомир не было на берегах реки Сана двух русских дивизий, а находилась недалеко от нее только одна дивизия князя Суворова, да и та по случаю наступательного движения австрийцев против авангарда князя Суворова была обращена к Уланову, в сторону, противоположную той, где находится Сандомир. Что касается до "убедительных настояний" кн. Понитовского о содействии ему русских войск, то мы не нашли в его же переписке с нашими генералами ни малейшего следа сих настояний, а потому имеем полное право считать их вымышленными. Веря донесению князя Понитовского, Наполеон приказал Коленкуру⁵⁷ жаловаться на князя Голлицына, называя его поступки изменническими (conduite trahissante). "Разве соединение русских с польской армией, — писал он Коленкуру, — надлежало быть ознаменовано неудачами и потерей Сандомира, завоеванного поляками? Не таково намерение Императора Александра и мы окажем ему услугу, подав ему случай, заставить себе повиноваться"⁵⁸.

Эрцгерцог Фердинанд писал князю Суворову: "От моих передовых постов получил я неожиданное для меня донесение, что мои гусары, преследуя польский пост, имели дело с казаками вапей дивизии. Не могу утаить от Вас удивления, что русские войска, о вступлении коих в Галицию никто не уведомил меня, действуют соединенно с поляками, неприятелями Австрии, в такое время, когда все повеления, получаемые мною от моего Монарха, подтверждают о неразрывности всегдашних дружественных сношений, между дворами Петербургским и Венским. Я приказал войскам моим остановиться и прекратить свои успехи над поляками. Посылаю к Вам моего адъютанта, подполковника графа Фикельмона⁵⁹ (впоследствии австрийский посол в России), облеченного моею полною доверенностью, и прошу Вас уведомить меня о причине вступления Вашего в Галицию. Судя по ответу

графа Сиверса майору гр. Гаугвицу, дело между казаками и нашими гусарами случилось от недоразумения. Потому необходимо Вам и мне принять меры к предупреждению подобных встреч и к устранению всего, могущего распространить огласие, которое должно существовать между нами".

Князь Суворов представил письмо эрцгерцога князю Голлицыну и по его приказанию отвечал: "Исправляю извинения Вашего Императорского Высочеству, за принятую мною смелость склонить графа Фикельмона провести ночь в авангарде моем. Удостоенный Вашим письмом, я не был в состоянии удовлетворительно отвечать до получения приказаний главнокомандующего. Нынче поручает он мне уведомить Ваше Высочество, что Император Всероссийский повелел ему вступить в Галицию и действовать вместе с войсками Варшавского герцогства, почему должен он уничтожать все препятствия, могущие остановить его"⁶⁰.

Получив письмо, эрцгерцог приказал отряд, занимавшему Уланов, перейти на левый берег Сана, со всем корпусом потянулся к Сандомиру и перешел там по наведенному мосту на левую сторону Вислы. На правом же берегу оставил он небольшие отряды, приказав им не сопротивляться русским и по мере нашего наступления, отходить назад. Между тем князь Понитовский вторично приезжал к князю Голлицыну. На свидании положили они, чтобы варшавским войскам следовать вниз по Висле и переправляясь в Пулаве, действовать на левом ее берегу, а русским перейти через Сан и действовать на правой стороне Вислы. Князь Понитовский просил об отделении к его корпусу части русских войск, но кн. Голлицы не согласился на просьбу. Он не желал раздроблять армию, по расчету, что при наступательном движении своем вглубь Галиции, должен будет оставить дивизию для наблюдения за Сандомиром, и, во всяком случае, не релпался слишком удаляться от границ России, желая быть всегда готовым отразить зло, могущее произойти от всевозможной переписки галичан с жителями губерний, возвращенных Россией от Польши⁶¹.

Условление на свидании главнокомандующих движения началось 9-го июня. Кн. Понитовский пошел с корпусом от Пинова к Пулаве. Место его заняла дивизия Левиза. Левее до Уланова, расположилась дивизия кн. Суворова и графа Ламберта. Граф Сиверс перешел с авангардом на левый берег Сана, на котором начали строить мосты. Резервным кавалерийским дивизиям велено идти: Миллера-Законельского в Лемберг, а Корфа в Ярослав. Император Александр одобрил распоряжение князя Голлицына, но приказывал ему ставить обе конные дивизии позади армии, сколь можно нерадевая, чтобы в случае генерального сражения могли они действовать соединенно и нанести неприятелю решительный удар⁶².

Когда навели мосты на Сани и устроили продовольствие, князь Голлицына оставил дивизию Левиза для наблюдения за австрийцами, находившимися в Сандомире и недопущения их перейти на правый берег Вислы, а с двумя другими дивизиями перешел через Сан в Уланове и 18-го июня прибыл в Рзешов. Австрийцы всюду без выстрела отступили пред нашими войсками. Только в авангарде Миллера-Законельского, которым командовал генерал-майор Балк⁶³, оказали они сопротивление при занятии нашими хлебного магазина. Балк послал ротмистра Крчинского⁶⁴ с полу-эскадром татарских улан и полу-эскадром русских драгун разогнать австрийцев.

Они начали стрелять, но после первой атаки рассеялись. С нашей стороны потеряно 3 человека пленных, у неприятеля полныи офицер и 40 рядовых⁶⁵.

После того Миллер-Законельский вступил в Лемберг. Таким образом, исполняя волю Императора Александра "занимать сколько можно более пространства в Галиции и очищать ее от австрийских войск", князь Голлицына растянул армию от Сандомира до Лемберга. Важные привывы его удержали в Рзешове долее, нежели он сперва полагал, а именно недостаток продовольствия и волнение в Галиции, где жители предавались бурному мятежу, обольстительному для страстей необузданных. "Союзники наши, — писал князь Голлицына, — озабочивают меня более, нежели неприятель. До вступления моего в Галицию, князь Понитовский поставил в ней свои власти. Варшавцы немилосердно вербуют в Галиции: понобранцы их со всех сторон окружают вверенную мне армию. Поляки бредят непрерывно о восстановлении отчины, следовательно, должен я обратить более внимания на внутренние происшествия в сем краю"⁶⁶.

В то время произошли новые несогласия между союзниками, и следующим образом. Мы упоминали, что при движении князя Понитовского от Модлина и Сиротка к Люблину Рожнецкий был послан в Лемберг, где он уничтожил австрийское управление. По отступлении его из Лемберга австрийцы вошли туда и разогнали варшавские власти. В таком положении находились дела, когда Миллер-Законельский занял Лемберг, и кн. Голлицына был назначен тамошним военным губернатором. Под главным своим ведением оставил он австрийское управление, имея нужду в чиновниках, знавших край. Недовольный сим распоряжением, князь Понитовский утверждал, что Лемберг — его завоевание, и требовал восстановления там варшавских властей. В ответе своем кн. Голлицына говорил ему о несообразности требования, чтобы область или город, покоренная оружием одной державы, управляемая были властями от другого, хотя союзного государства. Понитовский жаловался маршалу Бертье и получил повеление привести галичан к присяге в верности Наполеону, именем Наполеона чинить суд и расправу, на его счет набирать войско и вместо австрийских гербов поставить французские орлы. Получив уведомление о том князь Понитовского, наш главнокомандующий отвечал ему, что приказание Императора французам может быть исполнено только в городах и селениях, где находятся варшавские войска, а край, занятый русскими, почитает он на первый случай принадлежащим Императору Александру, и потому, без повелений Его Величества, не допустит там присяги Наполеону, перемены австрийских гербов французскими и набора войск. Понитовский возражал сильно, настаивая на непременно осуществлении воли Наполеона. Кн. Голлицына был непреклонен в своем решении. Донесение Государю о сем деле он заключал так: "Неоспоримо, что обыватели Галиции не терпят австрийцев. Ненависть происходит от тяжкого правления и образа обхождения с ними. По всем собраным мною сведениям, исключая некоторых голов, напоенных воспаленным воображением быть в подданстве французам, верх их блаженства есть тот, что находится под скипетром Вашего Величества. Рассуждение их на сей счет весьма здраво. Они говорят, что нет счастливее для них правительствна российского, вида примеры в присоединенных к России губерниях, где обыватели пользуются правами и преимуществами, дарованными

рожденным россиянам"⁶⁷. Император Александр утвердил мнение князя Голлицына касательно запрещения присягать Наполеону в местах расположения русской армии и приказал ему устраивать там управление таким образом, чтобы оставались не все чиновники, определенные австрийцами, но часть их была заменена по выбору главнокомандующего из местных жителей доброй нравственности, однако ж таких, которые не были употреблены прежде ни австрийцами, ни кн. Понитовским⁶⁸.

Июня 24-го, день достопамятный в войне 1809 года, ознаменованный победою Наполеона под Ваграмом, князь Голлицына двинулся из Рзешова к Тарнову. В продолжение описанных здесь происшествий кн. Понитовский провел в Пулаве 10 дней, устраивая переправу на Висле и пополняя корпус людьми, вновь набранными в Галиции и в Варшавском герцогстве. Составленные из них полки получили по приказанию Наполеона название Франко-галицийских, французские орлы и трехцветные кокарды. Июня 20-го Понитовский переправился на левый берег Вислы и пошел к Сандомиру, где уже не было австрийцев. Вследствие оборотов на главном театре войны и прибытия русских в Галицию, Венский двор не почитал нужным иметь в сей области значительного числа войск и приказал эрцгерцогу Фердинанду идти с корпусом от Сандомира чрез Краков в Моравию, на защиту северных границ Австрийской монархии и тыла армии эрцгерцога Карла. В Вене уже не помывшали, как при начале похода, об освобождении Европы от Наполеонова ига; заботились только о самосохранении.

ГЛАВА 7-я. ДЕЛА КРАКОВСКИЕ

По прибытии в Тарнов, кн. Голлицына получил известие о намерении австрийцев оставить Краков. Немедленно приказал он князю Суворову идти туда усиленными маршами, объявить себя краковским военным губернатором, не переменив существовавшего там правления, все места, где будет находиться его дивизия, почитать принадлежавшими Российскому Императору и никаким войскам, даже союзным нам, без разрешения князя Голлицына, не пропускать чрез Краков⁶⁹. Распорядясь исполнением приказаний, князь Суворов послал, вперед своего авангарда, подполковника Стакельберга⁷⁰ с эскадром Новороссийских драгун и 50-ю казаками, предписав ему сколь можно поспешнее и всячески стараться, чтобы австрийцы, при отступлении из Кракова, не уничтожили моста, соединяющего город с предместьем Подгорье. Пройдя более 60-ти верст в 18 часов, Стакельберг явился у Подгорья 2-го июля, когда австрийцы готовились жечь мост. Его миролюбивые убеждения отклонили их от того были напрасны, и он силою разогнал неприятелей, причем были ранены саблями: сам Стакельберг и один казачий сотник, убиты два казака. Мост уцелел и русские вошли в Краков.

На другой день в четыре часа пополудни вступил туда гр. Сиверс с конницею авангарда кн. Суворова, состоявшею из Новороссийского драгунского полка и 400 казаков. Батальон егерей следовал позади. Расставляя караулы у застав и магазинов, граф Сиверс успел до приближения варшавских войск к Кракову. Он подъехал навстречу им для сообщения начальнику их о занятии Кракова русскими. Не найдя начальника, он послал к нему с сим объявлением адъютанта, а сам возвратился в город, взводившийся

пришествиями необыкновенными: удалением австрийцев, прибытием русских, близостью варшавцев. В предместьи граф Сиверс нашел уже несколько эскадронов варшавской конницы, вступивших туда другою заставою и уготавливал, но тчетно, командира их, графа Потоцкого¹, идти назад. Вскоре явились близ города до 10.000 варшавских войск. Увидев стоявший поперек дороги эскадрон Новороссийских драгун, варшавская пехота взяла ружья на руку, показывая готовность, при сопротивлении, открыть себе путь штыками, и таким образом вошли в Краков, где приветствуемая ликованием жителей, выстроилась на улицах, лицом к лицу против русских. Не союзниками, но врагами России казались варшавцы.

Вскоре приехал князь Понятовский. Граф Сиверс объявил ему о наглom поступке войск его и просит оставить город, занятый именем Императора Российского. Князь Понятовский запальчиво отвечал, что право занятия на его стороне, ибо австрийцы уступили ему Краков письменным условием. Для уразумения сего обстоятельства надобно знать, что накануне авангард князя Понятовского под начальством Рожнецкого, преследуя отступивших к Кракову австрийцев, получил от них предложение остановить военные действия и заключить условие о сдаче варшавцам Кракова. Условие было подписано, но при его ратификации случилось недоразумение, отчего до окончательного утверждения конвенции прошло несколько часов, в продолжении коих подполковник Стахельберг после списки с австрийцами на Подгорженском мосту, вступил в Краков, где не было ни одного человека варшавских войск. Граф Сиверс возражал, что Краков принадлежит русским по праву войны, что в предместьи имели мы с неприятелем дело, лишились несколько человек убитыми и ранеными и с оружием в руках вошли в Краков, вовсе не ведая о переговорах князя Понятовского с австрийцами. Обидные русским слова, произнесенные тогда варшавскими офицерами, которые вмешивались в разговор, принудили гр. Сиверса напомнить им, что он русский генерал и просит их ускорить речи. Князь Понятовский настаивал в удержании за собою города, отдавая нам все магазины в Подгуже. Граф Сиверс утверждал, что магазины и без того принадлежат ему и объявил свою решимость не выходить из города без повелений начальства.

Прения длились на площади в виду обоюдных войск и множества жителей, готовыми, казалось, ринуться на небольшой отряд нап, со всех сторон окруженный ими и варшавскими войсками. Желая положить конец неприличному зрелищу, граф Сиверс приказал Новороссийским драгунам вложить сабли в ножны и спешиться, но и сей знак миролюбия не подействовал на князя Понятовского. Часы проходили, а дело не решалось. Кн. Понятовский пригласил наших офицеров к обеду. Гр. Сиверс принял приглашение для себя, но офицерам приказал оставаться во фронте. В то время вступил в Краков батальон русских егерей и получил повеление стоять на площади в полном вооружении. Наконец, князь Понятовский склонился на предложение графа Сиверса оставить в Кракове от каждого союзного отряда по одному батальону, одному эскадрону и по четыре орудия, а всем другим войскам занять окрестные селения. Варшавцы расположились на площади, почему и наши стали там же. Прочие русские войска пошли в Подгуже, но варшавцы вопреки письменному условию оставили большую часть своих войск в городе. В тот же вечер князь Понятовский

привел жителей к присяге на подданство Наполеону, от его имени учредил управление и заменил австрийские гербы французскими орлами². В следующий день граф Сиверс получил от кн. Суворова, уже бывшего с дивизией в Неполомиде, в 20-ти верстах от Кракова, повеление не входить с князем Понятовским ни в какие переговоры и строгое запрещение оставлять караулы, занятые им в Кракове прежде прихода туда варшавских войск. "Поступки ваши, — заключал князь Суворов, — достойны Русского"³.

Постоянный в решении омрачать в глазах Наполеона искренность в содействии ему наших войск, князь Понятовский доносил маршалу Бертье: "В занятии Кракова русскими вижу новый опыт лицемерия. Во время моих переговоров с австрийцами русские получили от них тайное приглашение вступить в Краков, куда были приведены австрийским полковником Латуром⁴, и по его указаниям ставили караулы. Вижу, что неприятель предложил мне начать переговоры лишь для того, чтобы протянуть время и дать русским возможность послеп в Краков, где они находились вместе с неприятелем, и нарочно упустили четырех австрийских генералов, имея возможность пленить их".

Показание князя Понятовского о наших тайных связях с австрийцами было ложное, не подтверждаемое историческими современными свидетельствами. Вместо мирного, безоборонного занятия Кракова русскими, ведомыми, по словам Понятовского, каким-то полковником Латуром, в Краковском предместьи пролита русская кровь. Русские должны были рассеять австрийцев силою оружия, чтобы спасти мост — единственное средство войти в Краков. Что касается Латура, никто в нашем передовом отряде, не видел его и не слышал об нем. По воле правительства случаются на войне сокровенные сношения с неприятелем, как например в 1812 году происходили иногда свидания русских и прусских генералов и переписка между ними, но в походе 1809 года, у нас не было и не могло быть с австрийцами тайных связей, как совершенно противных воле Императора Александра, ибо он приказывал действовать против австрийцев открыто, вооруженною рукою. Правда, враждебные чувства к варшавцам возрастали, но виною были наши союзники. Князь Голицын доносил: "Наглость войск варшавских выходит из границ. Бдительное попечение дивизионных начальников едва уже может удержать войска наши, и я истинно удивляюсь их терпеливости, ибо обоюдная ненависть друг к другу царствует не токмо между офицерами, но даже между нижними чинами обеих армий"⁵. В Кракове и в других местах бывали поединки между русскими и варшавцами. Скрытно старались варшавцы заманивать русских солдат к поступлению в их службу. Князь Понятовский не выдавал белогон, вопреки договору, заключенному на сей предмет между Россией и Саксонией октября 9-го 1808 года. Как будто в насмешку он оправдывал отказ, говоря: "Ведь русские союзники нам, так почему не служить им с нами?" Однажды, во время театрального представления сломалась в райке скамья. Стук и крик упавших взволновал поляков в партере. Обнажа сабли и при криках: "Измена! Русские режут наших!" — они бросились на площадь, и батальон, стоявший там на биваках, привели к театру в одних рубашках, но в амуниции. Однако ж испуг поляков кончился, когда они увидели русских офицеров и генералов, спокойно сидевших в ложах и в партере. Спусти несколько дней был

повешен в театре занавес с изображением восходящего солнца, которое освещало гроб, откуда поднимался польский король, далее, нарисованные на занавесе реки Днепр и Двина означали границы Польши. "Не могу изъяснить Вашему Величеству, — доносил князь Голицын, — всех унижений, которые войска наши от варшавцев переносить должны. Смее сказать, что если бы я был поможке, то не достало бы у меня терпения. Но охладевшая от лет кровь и основательнейшее в сих летах суждение о вешах, с коиим сопряжена польза Вашего Величества, подкрепляют силы мои, толико нужные, чтобы с терпением переносить обиды, так сказать, от тех, кои с юности привык почитать народом, ничего не значущим"⁶.

Так говорил вельможа-полководец, прошедший век свой в войнах Екатерины бессмертной. Стараясь водворить согласие между союзниками, он приказал стоявшему с дивизией в Величке князю Суворову — отличному оборотливому обращением — переехать на жительство в Краков и командовать там русскими войсками. Князь Голицын писал ему: "Я уверен, что усердие Ваше к службе,

привязанность и дружба ко мне, облегчат Вам бремя. Прозорливость, образ обхождения и дар прилежать каждого к себе — суть посредства, чрез которые прекратятся все пустые несогласия, от трагических скотищ, так сказать, происходившие и доселе между обоими гарнизонами в Кракове существующие. Вы сами добродетельми одарены не скудно, а потому все пойдет хорошо, особливо ежели поддержите русскую пословицу, что не всякое дыло в строку. Но что много говорить? Благодариме ваше мне порукой, что все пустые ссоры и дрязги прекратятся, дули и различные буйства уничтожатся, и что вы единственно водворите согласие между обоими армиями, держа сего правила, что и худой мир истинно лучше доброй брани". Князь Суворов, столь рано похищенный смертью из рядов русской армии, возлагавшей на него светлые надежды в будущем, оправдал доверие главнокомандующего Лисси, тогда еще трететавиши при имени великого Суворова, почтительно взирали на его доблестного сына и смирились, внутреннюю злобу против русских застав под личиною дружбы.

¹ Голицын Сергей Федорович (1749—1810) — князь, генерал от инфантерии, в 1809 г. главнокомандующий русской армией в Галиции.

² Фердинанд, Карл Иосиф д'Эсте (1781—1850) — эрцгерцог австрийский, двоюродный брат императора Франца I, в 1809 г. командующий 7-м армейским корпусом, действовавшим против герцога Варшавского.

³ Понятовский Юзеф Антон (1763—1813) — князь, в 1809—1810 гг. главнокомандующий польской армией, впоследствии маршал Франции.

⁴ Фридрих-Август (1750—1827) — саксонский король.

⁵ Наполеон I (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг.

⁶ Станислав-Август (Понятовский) (1732—1798) — последний польский король, 25 ноября 1795 г. отрекся от престола.

⁷ Александр I (1777—1825) — российский император в 1801—1825 гг.

⁸ Рожнецкий (Ружнецкий) Александр Александрович (1774—1849) — польский генерал, впоследствии генерал от кавалерии на русской службе.

⁹ Домбровский Ян Генрих (1755—1848) — польский генерал, впоследствии генерал от кавалерии на русской службе.

¹⁰ Зайончек Юзеф (1752—1826) — князь, польский генерал, с 1815 г. наместник царства Польского.

¹¹ Левиз Менар Федор Федорович (1767—1824) — генерал-лейтенант, командир 10-й дивизии.

¹² Ламберт Карл Осипович (1772—1843) — граф, генерал-майор, командир 18-й бригады, впоследствии генерал от кавалерии.

¹³ Горчаков Андрей Иванович (1779—1855) — князь, генерал-лейтенант, 29 сентября 1809 г. отставлен от службы за переписку с австрийским эрцгерцогом Фердинандом, впоследствии генерал от кавалерии.

¹⁴ Суворов-Рымникский Аркадий Александрович (1784—1811) — князь, генерал-лейтенант, начальник 9-й дивизии, сын выдающегося русского полководца князя А. В. Суворова.

¹⁵ Докухов Дмитрий Сергеевич (1759—1816) — генерал-лейтенант, командир 7-й дивизии, впоследствии генерал от инфантерии.

¹⁶ Гагарин Павел Гаврилович (1777—1850) — князь, генерал-адъютант, летом 1809 г. был послан к Наполеону с сообщением о действиях русских войск в Галиции.

¹⁷ Пеллетье Жан-Батист (1777—1862) — барон, бригадный генерал, начальник артиллерии и инженерных войск герцога Варшавского, в 1812 г. взят в плен под Вязьмой, впоследствии генерал от артиллерии.

¹⁸ Письмо князя Понятовского к князю Голицыну от 18/30 мая из Тржесни.

¹⁹ Донесение кн. Голицына Императору от 21-го мая. №9.

²⁰ Письмо князя Голицына к князю Понятовскому.

²¹ Предписание князя Голицына от 21-го мая. №25.

²² Предписание князя Голицына от 28-го мая. №35.

²³ Высочайший рескрипт от 6-го мая.

²⁴ Собственноручная записка князя Суворова, начальнику его авангарда, графу Сиверсу.

²⁵ Эгерман — австрийский генерал.

²⁶ Письмо князя Понятовского князю Суворову, из Тржесни, 28 мая/9 июня.

И.И. СЕРЕБРЕННИКОВ, ВЕЛИКИЙ ОТХОД.
РАССЕЯНИЕ ПО АЗИИ БЕЛЫХ РУССКИХ АРМИЙ. 1919-1923 гг.

- ²⁷ Сапега — князь, польский офицер, адъютант князя Понятовского.
²⁸ Сивере Карл Карлович (1772—1856) — граф, генерал-майор, шеф Новороссийского драгунского полка.
²⁹ Донесение князя Суворова князю Голицыну от 28-го мая. №1, 445, из Люблина.
³⁰ Письмо графа Сивере князю Понятовскому от 29-го мая.
³¹ Собственноручная записка князя Суворова графу Сиверу.
³² Хрупов Иван Алексеевич (1774—1824) — генерал-майор.
³³ Предписание кн. Голицына князю Суворову от 3-го июня №40.
³⁴ Предписание князя Голицына Левизу от 1-го июня, №38.
³⁵ Анстет Иван Осипович (1770—1835) — барон, русский дипломат.
³⁶ Вурмсер (Wurmser) — граф, австрийский генерал, губернатор обеих Галиций
³⁷ Донесение Анстета графу Румянцеву, от 21-го июня из Котка.
³⁸ Донесение князя Голицына Императору, от 4-го июня №17-й.
³⁹ Карл Людвиг Иоганн (1771—1847) — австрийский эрцгерцог, фельдмаршал, в 1809 г. главнокомандующий австрийской армии.
⁴⁰ Франц I (1768-1835) - император Австрии под именем Франца I.
⁴¹ Бертье Луи Александр (1753—1815) — князь Невшательский и Ваграмский, маршал Франции.
⁴² Повеление кн. Голицына Левизу 3 июня №42.
⁴³ Меллер-Закомельский (Митшер-Закомельский) Егор Иванович (1767—после1834) — барон, генерал-майор, шеф Мариупольского гусарского полка.
⁴⁴ Корф Федор Карлович (1774—1823) — барон, генерал-майор, впоследствии генерал-лейтенант, генерал-адъютант.
⁴⁵ Повеления кн. Голицына Миллеру-Закомельскому и барону Корфу от 4-го июня №№43 и 44.
⁴⁶ Донесение князя Голицына Императору от 4-го июня №17.
⁴⁷ Игнатьев Гавриил Алексеевич (1768—1852) — генерал-майор, впоследствии генерал от артиллерии.
⁴⁸ Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — генерал-майор, начальник отряда резервных войск в Волынской и Подольской губерниях, впоследствии генерал от артиллерии.
⁴⁹ Ртищев Николай Федорович (1754—1835) — генерал-лейтенант, начальник 25 дивизии, впоследствии генерал от инфантерии.
⁵⁰ Шауротер (Schauoth) Карл Август (1755—1810) — барон, фельдмаршал-лейтенант, командир кавалерийской дивизии.
⁵¹ Пикорд — австрийский полковник.
⁵² Спосарев 2-й — подполковник, командир донского казачьего полка.
⁵³ Гаугвиц (Haugwitz) Оген Вильгельм (1777—1835) — граф, майор гусарского полка императора Франца, впоследствии фельдмаршал-лейтенант.
⁵⁴ Донесение графа Сивере князю Суворову от 3-го июня. №33.
⁵⁵ Удом Евстафий Евстафьевич (1760—1836) — полковник Галицкого мушкетерского полка, впоследствии генерал-лейтенант.
⁵⁶ Соколыницкий Михай (1760—1816) — польский генерал, комендант г. Сандомир.
⁵⁷ Коленкур Арман Отгостен Луи (1773—1827) — герцог Виченский, французский генерал и дипломат, в 1807-1811 гг. — посол в Петербурге.
⁵⁸ Повеление Наполеона министру иностранных дел Шампаньи 28 июня/10 июля.
⁵⁹ Фикельмон Шарль-Луи (1777—1857) — граф, австрийский подполковник, адъютант эрцгерцога Фердинанда, впоследствии австрийский посланник в Петербурге.
⁶⁰ Ответ князя Суворова на письмо эрцгерцога Фердинанда от 5/17 июня 1809 года.
⁶¹ Донесение князя Голицына Императору, от 10-го июня. №18.
⁶² Отношение к князю Голицыну военного министра гр. Аракчеева от 30-го июня.
⁶³ Балж Михаил Дмитриевич (1764—1818) — генерал-майор, шеф Рижского драгунского полка, впоследствии генерал-лейтенант.
⁶⁴ Кречинский — ротмистр из Татарского уланского полка.
⁶⁵ Донесение Миллера-Закомельского князю Голицыну от 17-го июня.
⁶⁶ Рапорт князя Голицына фельдмаршалу кн. Прозоровскому, от 11-го июня №50.
⁶⁷ Донесение князя Голицына Императору, от 23-го июня №23.
⁶⁸ Рескрипт кн. Голицына от 8 июля и отношение к нему гр. Румянцева от 2-го июля.
⁶⁹ Предписание кн. Голицына князю Суворову из Тырнова, от 1-го июля №480.
⁷⁰ Штапельберг Оттон Оттонович — подполковник Новороссийского драгунского полка.
⁷¹ Потоцкий Станислав (1788—1830) — граф, польский генерал.
⁷² Донесение кн. Голицына Императору от 5-го июня. №26 и записка графа Сивере.
⁷³ Повеление князя Суворова графу Сиверу из Неполомц от 3 и 4-го июля. №№1626 и 1628.
⁷⁴ Лайтур фон Байлет Теодор (1780—1848) — граф, австрийский полковник, впоследствии генерал-фельдшнеймистер.
⁷⁵ Донесение князя Голицына Императору от 5-го июля. №26.
⁷⁶ Донесение князя Голицына Императору от 11-го августа 1809 ГОДА.

Игорь Александрович Батожок (Санкт-Петербург)
кандидат исторических наук.

Младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института российской истории
Российской Академии Наук.

Введение.

Иван Иннокентьевич Серебрянников родился в 1882 г. в селе Знаменском Верхаленского уезда Иркутской губернии в семье крестьянина. Учился в Петербурге. Журналист "Известий" Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества (ВСОИРГО) - в 1911-1912 гг. участвовал в экспедициях. В 1913-1915 гг. служил городским секретарем иркутской городской Думы, с 1915 г. - правитель дел ВСОИРГО. В 1918 г. стал министром снабжения Сибирского Временного правительства в Омске, с августа 1918 г. - председатель Малого Совмина. После вступления Красной армии в Иркутск в январе 1920 г. сумел выехать в Харбин. Печатался в газете "Русский голос" под псевдонимом "Старый Харбинец". В 1922 г. открыл в городе Тяньцзинь книжную торговлю. В 1927 г. продал предприятие и собирался уехать в Чехословакию, но тяжело заболел и остался в Китае. Автор целого ряда научных работ и очерков по экономике, истории и культуре Китая, истории русской эмиграции на Дальнем Востоке. На обложке дневника И.И.Серебрянникова надпись: "Подлежит отправлению в Сибирь, на хранение в музей Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Иркутске". И в самом дневнике 3 июня 1943 г.: "Я хотел бы, чтобы наш личный архив был окончательно сосредоточен в Иркутске...". В настоящее время архив И.И.Серебрянникова хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира в Стэнфорде.

Среди множества документов архивной коллекции И.И.Серебрянникова - машинописная рукопись его книги "Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919-1923 гг.". В каталогах библиотек России, Китая и США книгу обнаружить не удалось, возможно, она так и не была издана. Установлено, однако, что И.И.Серебрянников использовал материалы и небольшие отрывки из своей рукописи в статьях в эмигрантской периодической печати. Публикуемый текст представляет собой два законченных раздела шестнадцатой главы - "Русские в Китае": "Русские в Маньчжурии" и "Русские в Китае".

¹ Hoover Institution Archives. Coll. Serebrennikov II. Box 9. Folder "A Great Retreat: Wanderings and Scatterings of the Russian White Armies in Northern and Central Asia": typescript (247 p.).

² И.И.Серебрянников разделил главу на "маньчжурскую" и "собственно китайскую" части, что представляется и нам типологически оправданным в связи с особым, в то время, положением Маньчжурии (в 1922 г. Чжан Цзюньшань провозгласил автономно северо-восточных провинций) и особым местом Маньчжурии в истории русского присутствия в Китае.